

РАЗВИТИЕ КАЗАЧЬЕГО ДВИЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Т. В. Полянчук

Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Поступила в редакцию 28 мая 2015 г.

Аннотация: в статье рассматривается развитие государственной политики в отношении казачества в постсоветской России, этапы организационного и нормативного оформления казачьего движения. Определяется важная роль казачества в развитии гражданского общества в современной России.

Ключевые слова: возрождение казачества, казачьи движения, государственная поддержка казачьих обществ, Стратегия развития российского казачества.

Abstract: author outlines the timeline of state policy on Cossack community support, the keypoints of both legal and organizational establishment, stating the Cossackdom's crucial role in building civil society of modern Russia.

Key words: Cossack movement, Cossack revivalism, Russian Cossackdom community development strategy, state support for Cossack communities.

Движение за возрождение казачества стало развиваться с конца 1980-х гг. в условиях ослабления политико-идеологических рамок в период перестройки. Существуют различные точки зрения по поводу того, исходил ли импульс, стимулирующий развитие казачьего движения, сверху или же снизу. Некоторые авторы, например Т. В. Таболина, отмечают, что «...движение началось все-таки снизу (grass roots), особенно в регионах» [1, с. 30]. Поэтому с уверенностью можно говорить о том, что наиболее активная часть общества, таким образом реагирующая на распад советской системы и цементирующей ее идеологии, положила начало формированию гражданского общества в нашей стране. Некоторые ученые обращают внимание на то, что правящая Коммунистическая партия Советского Союза (далее – КПСС) в условиях кризиса собственной легитимности попыталась использовать зарождающееся казачье движение в качестве дополнительной опоры. Так, А. И. Козлов пишет, что «КПСС, ощутив под собой колебание почвы, ухватились за казачество, как за последнюю соломинку. Были предприняты лихорадочные меры по его реанимации как военной силы...» [2, с. 6].

Другие авторы полагают, что изначально казачество возрождалось именно сверху. Е. И. Котикова отмечает, что только «на втором, "постпутчевском" этапе, уже... казачество начинает естественным образом самоорганизовываться, стремясь играть своеобразную роль в социально-экономической и геополитической ситуации в России» [3]. С. Донцов также пишет о непреднамеренных последствиях

стремления власти в период распада СССР опереться на возрождаемое казачество: «власти, имея одну цель – возглавлять казачье движение, сами того не желая, вызвали пробуждение исторического самосознания у массы людей, относящих себя к "потомкам казаков"» [4, с. 18].

Юг России относится к основным регионам, где развернулось возрождение казачества [5]. Специфика этого региона, в котором располагаются Донское, Кубанское и Терское казачества, заключается в том, что здесь сильны культурно-исторические традиции казачества. Этим регион отличается, например, от Урала, Сибири и Дальнего Востока, где исторически располагались «служилые» казачьи войска. В местах неисторического расселения казаков, прежде всего в крупных городах, таких как Воронеж, были свои особенности развития казачьего движения. На юге России, несмотря на драматическую историю казачества, достаточно хорошо сохранились его специфические традиции: политические, хозяйственно-экономические, социокультурные. По данным Института этнологии и антропологии РАН на начало 1990-х гг. именно в исторических казачьих областях (Дон и Кубань) потомки казаков по прямой линии составляли 10–15 % населения, в то время как в Сибири и на Дальнем Востоке – лишь около 1–5 % населения [6].

Первыми структурами возрожденного казачества становились историко-культурные и общественно-патриотические организации, например Донской военно-исторический клуб имени М. И. Платова, учрежденный Областным музеем краеведения и об-

ластным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, литературное объединение «Шолоховский круг» (включавшее более сорока представителей творческой интеллигенции, среди которых были журналисты, историки и писатели), историко-культурное общество «Стародонье», находящиеся в Ростовской области [7, с. 436].

На национальном уровне начало организационному оформлению казачьего движения было положено созданием весной 1989 г. землячества московских казаков, ставшего фактически первой казачьей организацией. Вслед за ней казачьи организации стали создаваться по всей стране. Именно эта структура занялась активной подготовкой проведения Учредительного круга, призванного объединить разнородные казачьи организации в рамках общего казачьего движения, имеющего единые цели и идеологию, пока не вполне разработанную. Среди первоначально определенных задач казачьего движения можно назвать политическую реабилитацию казаков, культурное возрождение казачества, восстановление казачьих войск, возврат принадлежавших войскам имущества, прав и привилегий, восстановление казачьей службы.

Вслед за созданием Союза казаков в регионах развернулся процесс институционализации казачьего движения. Новые организации возникают на Дону, Кубани, Тереке, Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и других территориях исторического проживания казаков.

С организационной и правовой точек зрения казачество формируется как общественное движение, но его политизация была неизбежна в ситуации глубокого идейного размежевания, расколовшего массовое политическое сознание россиян. Различные подходы к оценкам исторического опыта казачества, политики советской власти, различное отношение к политическим лагерям коммунистов и демократов, итог конфликта между которыми должен был определить исторический выбор страны, предопределили размежевание в казачьем движении. Несмотря на политизацию казачьего движения, наиболее существенная его часть выступала с традиционных для казачества позиций защиты государственности.

Активность и массовость движения в данный период сделали его объектом государственной политики. При этом исследователи согласны в том, что продуманной и долгосрочной политики в отношении возрожденного казачества выработано не было. Предпринимаемые меры носили, скорее, популистский характер и отражали стремление политических элит в столь конфликтный период заручиться поддержкой политически мобилизованной части общества.

Среди принятых на тот момент инициатив следует отметить такие документы, как Постановление

Верховного Совета РФ «О реабилитации казачества» от 16 июля 1991 г., Распоряжение Президента РСФСР «О создании Комиссии по подготовке Закона о реабилитации казачества» от 9 декабря 1991 г., Указ Президента РФ «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества» от 15 июня 1992 г., Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации казачества» от 16 июля 1992 г. В Законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. казачество впервые получило право на территориальную и политическую реабилитацию, а также на возмещение ущерба, причиненного репрессиями. Но к моменту принятия Указ Президента РФ «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества» произошли некоторые важные терминологические изменения. В документе говорилось не столько о реабилитации казачества как исторически сложившейся культурно-этнической общности людей, сколько о «возрождении казачества». Многие исследователи, да и сами представители казачьего движения указывают на то, что «реабилитационные меры в отношении казаков не осуществлялись, вследствие чего в первой половине 1990-х гг. отмечалось повышение напряженности в отношениях органов государства и казачьих объединений» [8, с. 31]. Тем не менее новые указы Президента России и постановления Правительства РФ, декларировавшие намерения государства содействовать решению проблем казачьего движения, позволили несколько снизить эту напряженность.

Например, вскоре был принят такой важный для развития движения документ, как Постановление Верховного Совета РФ «О реабилитации казачества» от 16 июля 1992 г., в котором за казачеством было признано право создавать общественные казачьи объединения с исторически сложившимися названиями, в том числе землячества, союзы и другие объединения, была разрешена их регистрация и деятельность в порядке, установленном для общественных объединений граждан.

К середине 1990-х гг. на юге России сложилась ситуация, в которой казачьи объединения практически стали основой формирования гражданского общества в регионе. По данным социологических исследований, их поддержка была детерминирована отнюдь не идеологическими пристрастиями, что характерно для политических организаций, а возлагаемыми на казачество надеждами на его активное участие в обеспечении безопасности местных сообществ.

Следующий этап развития движения характеризуется более активной разработкой государственной политики по отношению к казачеству. В области

взаимодействия государственной власти и казачьего движения центральным вопросом, безусловно, был вопрос о государственной службе казачества. Во второй половине 1990-х гг. происходит законодательное оформление государственной службы членов казачьих организаций. Поворотным моментом в этой области стало принятие Указа Президента РФ «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» от 9 августа 1995 г. [9].

В исполнительных органах субъектов Федерации были созданы оргкомитеты для оказания помощи казачьим объединениям, желающим быть включенными в реестр. Им оказывалась методическая помощь в оформлении документов, производился учет численности желающих нести государственную и иную службу казаков. В результате в 1996 г. в реестр были внесены Волжское войсковое казачье общество, в 1997 г. – Сибирское, Забайкальское, Терское, Уссурийское, Енисейское войсковые казачьи общества и Всевеликое войско Донское, в 1998 г. – Оренбургское, Кубанское и Иркутское войсковые казачьи общества.

В 1999 г. Правительство РФ утвердило Федеральную целевую программу государственной поддержки казачьих обществ [10]. Ее целью были разработка и реализация комплекса организационных и нормативно-правовых мер, обеспечивающих привлечение казачьих обществ к несению государственной и иной службы и экономической деятельности на основе традиционных для казаков форм самоуправления и хозяйствования; улучшение социально-экономического положения членов казачьих обществ, включенных в государственный реестр Российской Федерации; обеспечение межэтнической и социально-экономической стабильности в приграничных и других регионах России.

Таким образом, к концу 1990-х гг. в государственной политике по отношению к казачеству произошел поворот, во многом определивший направление развития движения. Однако одной из проблем оставалась его разобщенность. Так, на Дону к началу века действовало несколько десятков казачьих организаций.

В 2005 г. после встречи президента с атаманами войсковых казачьих обществ РФ в станице Вешенской было сформировано поручение правительству (№ Пр-947), согласно которому необходимо было разработать проект Концепции государственной политики в отношении российского казачества на 2006-2010 гг., предусмотрев в нем вопрос о развитии государственной службы российского казачества. Концепция была разработана Министерством регионального развития. В этом же году появился новый Федеральный закон № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества», который определил, что «российское казачество – граждане Российской

Федерации, являющиеся членами казачьих обществ», при этом «казачье общество – добровольное объединение граждан... в форме некоммерческой организации... внесенное в государственный реестр... члены которого... приняли на себя обязательства по несению государственной или иной службы». Таким образом, были установлены правовые и организационные основы несения российским казачеством государственной службы.

15 сентября 2012 г. Владимир Путин утвердил Стратегию развития российского казачества. В данном документе особо подчеркивается роль казачества как составной части гражданского общества. Указывается на «многонациональные корни» российского казачества, а приоритетом провозглашается «привлечение к государственной и иной службе российского казачества представителей различных национальностей». В качестве цели Стратегии обозначается «содействие развитию и консолидации российского казачества посредством усиления его роли в решении государственных и муниципальных задач, совершенствования взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений с российским казачеством и формирования эффективных механизмов общественно-государственного партнерства».

Особое значение для определения роли казачества в развитии гражданского общества в современной России имеет развитие характерных для него специфических форм самоуправления и проблема вписывания этих форм в существующую систему местного самоуправления [11]. Для поиска оптимального механизма местного самоуправления, который способствовал бы развитию взаимовыгодного сотрудничества местных сообществ и органов власти, ряд исследователей предлагает обратить внимание на «традиционные формы организации населения, исторически сложившиеся в так называемых буферных зонах», поскольку изначально их функцией была «адаптация полиэтничного населения к функционирующим государственно-правовым формам» [12, с. 68].

Представление о казачестве как о структуре, из которой в современных условиях может вырасти значимый элемент гражданского общества, укрепленный тем, что его традиции укоренены в русской культуре, сочетается и иногда конкурирует с комплексом представлений о казачестве как о специфической этнической группе. Современные исследователи предлагают отказаться от противопоставления этнического и сословного начал в идентичности казачества, поскольку этнические и социальные характеристики не являются взаимоисключающими, а

успешно «разводятся на разные уровни функционирования» [13]. Этническая составляющая при этом является доминирующей «в периоды независимого от государства существования» [там же], а социальные факторы становятся превалирующими в условиях усиления государственности. Казачество возникло вне государственных рамок, но оно является открытой системой, что говорит об изменчивости и высокой социальной адаптивности казачества, безусловно, являющимися его сильной стороной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Таболина Т. В. Казаки : драма возрождения. 1980–1990-е годы / Т. В. Таболина. – М., 1999.
2. Козлов А. И. Проблемы казачьего возрождения / А. И. Козлов // Возрождение казачества : история, современность, перспективы : тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Междунар. всерос. науч. конф. – Ростов н/Д., 1995.
3. Котикова Е. И. Социально-философские проблемы возрождения казачества : дис. канд. филос. наук / Е. И. Котикова. – Ставрополь, 1997. – 186 с.
4. Донцов С. Казачество в постсоветской России / С. Донцов // Возрождение казачества : надежды и опасения. – М., 1998.
5. Мацевский Г. О. Первые организации движения за возрождение казачества : от фольклорно-экономических к общественно-политическим / Г. О. Мацевский // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 4 (12). – Режим доступа: www.sisp.nkras.ru
6. Казаки России : прошлое, настоящее, будущее. – М., 1992. – 131 с.
7. История донского казачества : учебник / под ред. А. В. Венкова. – Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2008.
8. Седых Т. В. Политико-правовые основы государственной службы российского казачества в начале XXI в. / Т. В. Седых // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия: Общественные науки. Политика и право. – 2010. – № 2 (14).
9. О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 9 августа 1995 г. № 835 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3359.
10. О Федеральной целевой программе государственной поддержки казачьих обществ, включенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, на 1999-2001 годы : постановление Правительства Российской Федерации от 18 января 1999 г. № 67 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 4. – Ст. 557.
11. Слинко А. А. Политические процессы в России и в мире в условиях глобального кризиса : монография / А. А. Слинко [и др.]. – Воронеж : Научная книга. – 133 с.
12. Фалалеев А. В. Местное казачье самоуправление (на примере Волгоградской области) / А. В. Фалалеев // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 5: Юриспруденция. – 2012. – № 1 (16).
13. Сопов А. В. Казачество: этнический и социальный статус / А. В. Сопов, М. А. Сопов // APRIORI. Электронный научный журнал. Серия: Гуманитарные науки. – Режим доступа: www.apriory-journal.ru

Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

*Полянчук Т. В., соискатель кафедры политологии и политического управления
E-mail: tane4k_a@mail.ru
Тел.: 8-980-248-21-55*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

*Polyanchuk T. V., Searcher of the Political Science and Political Administration Department
E-mail: tane4k_a@mail.ru
Tel.: 8-980-248-21-55*